

Н. Н. Шпанов

Война «невидимок»

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Н11

H11   **Н. Н. Шпанов**
Война «невидимок» / Н. Н. Шпанов – М.: Книга по Требованию, 2012. –
322 с.

ISBN 978-5-458-04300-7

Николай Николаевич Шпанов - русский советский писатель, сценарист. Печататься начал с 1926 г. Был редактором журналов «Вестник воздушного флота», «Самолёт» и др. Член Союза Советских писателей с 1939 г., Николай Шпанов автор свыше тридцати книг, из которых были наиболее известны «Первый удар», «Поджигатели», «Война невидимок», "Ученик чародея". Писатель также создал первый в советской литературе образ сыщика сквозного героя нескольких произведений Нила Кручинина («Похождения Нила Кручинина»)

ISBN 978-5-458-04300-7

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Николай Шпанов
Война «невидимок»

Часть первая

Глава первая. «Погибаю, но не сдаюсь»

Мичман Селезнев не сдается

Южная ночь без сумерек, без переходов стремительно падала на новороссийский рейд. Но и с ее приходом не наступило облегчения от парной духоты дня. Воздух оставался неподвижным. Ни малейшее дуновение не рябило поверхности моря. Последний блеск алой полосы заката, отражаясь от зеркальной воды, дрожащими бликами ложился на матовую поверхность шаровой краски корабля. Видимо, краска эта давно не подновлялась – она успела выцвести, пошла разноцветными подтеками. Беседка, висящая на двух стропах, казалась совсем крошечной на широкой, как стена дома, корме дредноута. Двое парнишек в тельняшках и подтянутых к подмышкам парусиновых штанах роб, болтая ногами, сидели на беседке. Их бескозырки были сдвинуты на затылки давно не стриженных, вихрастых голов. Двенадцатилетнему «добровольцу» Павлу Житкову, по стариинке именовавшемуся юнгой, было приказано надраинить медь славянской вязи, которой была выложена по корме дредноута надпись «Воля».

С полудня к Пашке присоединился его дружок Александр Найденов, впросторечье – Санька. Найденов – тоже «доброволец», однолеток Житкова. Такой же крепкий, коренастенький и густо загорелый, как его приятель, облаченный в такую же линялую тельняшку и в такие же, не по мерке, заношенные штаны парусиновой робы, Санька внешне мало чем отличался от Пашки. Разве только тем, что лицо его не было, как курносая физиономия Пашки, до самых глаз покрыто золотистой осыпью веснушек.

Санька был мастер на все руки. Хотя официально он числился всего лишь учеником в мастерских морской авиационной базы, но в душе считал себя уже без пяти минут летчиком. Без памяти влюбленный в свои «гидрошки», он готов был целыми днями возиться около них. К другу Пашке он подгреб для того, чтобы посоветоваться, как быть дальше: самолеты были почти беспризорны, им грозила гибель.

Тут было о чем подумать.

Мальчики провели на беседке все время с обеда, а медь надписи оставалась такой же темной, как была.

На кормовой балкон адмиральского салона несколько раз выходил долговязый рыжий офицер. Он поглядывал на беспечно беседующих мальчиков, нерешительно переминался с ноги на ногу и уходил обратно.

На баке пробили склянки. Вразброд, словно нехотя, отзывались разноголосые рынды с эскадры. Силуэты кораблей расплывались во тьме надвигающейся ночи.

– Так ни фига ты мне и не присоветовал, – сказал Санька, подбирав ноги. Он потянулся и лихо сплюнул длинной струйкой в темную бездну под беседкой. – Нужна нынче кораблю драеная медяшка, как мертвому припарки.

– Не скажи, небось и п-покойника к смерти а-а-обряжают, – чуть заикаясь, ответил Пашка.

– Неужто и впрямь топить?

– А т-ты думал! Ленин ясно приказал: германцам флот не да-авать!

– Это-то ясно, – согласился Найденов, – а все-таки... Сила какая! Строили, строили – и на!

Пашка стал молча собирать принадлежности для чистки меди.

– Пошли, что ль?

– Ты иди, а я еще малость подымлю, – с важностью ответил Найденов и снова растянулся на доске. – Ты меня не жди. Я в туга – и до базы.

Житков перекинул через плечо сумку со счастью и стал ловко взбираться по штурмтрапу на высокий борт корабля.

Тем временем в кормовом салоне «Воли» происходило следующее. За круглым столом, в центре каюты, полный офицер в кителе нараспашку торопливо дописывал страницу. Это был капитан первого ранга Тихменев, командир линейного корабля «Воля». После каждого нескольких строк Тихменев досадливо морщился и перечитывал написанное. Ему мешали два других офицера, вполголоса споривших на диване. Один из них, – высокий, худой, длиннолицый, с рыжими колбасками бачков на розовых щеках флаг-офицер старший лейтенант барон Остен-Сакен, – убеждал второго – маленького, крепкого мичмана Селезнева:

– Вы единственный офицер на корабле, к которому «братишки» относятся более или менее по-человечески. Кроме вас, никто не может покинуть корабль. Мы все под негласным арестом. Начиная с командира. Хотя формально он и за мещает отбывшего флагмана.

– Именно потому, что матросы мне доверяют, я и не вижу возможности покинуть корабль с таким поручением.

– А, все это слова! – раздраженно сказал барон. – Пустые разговоры, которыми вы хотите прикрыть свои страхи перед матросней!

Селезnev вскочил с дивана:

– Господин старший лейтенант!.. Вы имеете дело с офицером!

– С бывшим, господин Селезнев, с бывшим-с...

Тихменев поднял голову:

– Господа, господа! – Он развел толстыми руками. – Вы забываете, что нынче даже стены имеют уши. Право же, не время для ссор, господа. – Он стал тщательно складывать лист, проводя по сгиbam широким, аккуратно подстриженным ногтем. – Петр Николаевич! – Селезнев подошел к столу, Тихменев смерил его пытливым взглядом. – Считаете ли вы себя сыном России и способны ли для флота рискнуть головой? – Тихменев протянул мичману запечатанный конверт. – Чего бы это ни стоило, вы должны доставить пакет на «Свободную Россию». Лицно кавторанту Терентьеву. Никому иному. Понятно?

– Понятно... Но... – Селезнев замялся. – Я должен знать, что здесь написано.

Тихменев с удивлением глядел на Селезнева. Стоящий за спиной мичмана Остен-Сакен делал командиру какие-то знаки. Видя, что тот не понимает их, флаг-офицер сказал:

– Разрешите мне, господин каперанг, сообщить мичману содержание письма?

– Я думал, мои офицеры еще не уподобились этому сброду, – хмуро произнес Тихменев. – Но если... мичману недостаточно моего приказания, – Тихменев поклонился плечами и передал пакет Остен-Сакену, – поступайте, как знаете. Пакет

должен быть доставлен сегодня ночью. – Тяжело ступая, он пошел к выходу. У самой двери приостановился и повторил: – Слышите? Доставить сегодня же ночью, во что бы то ни стало. Завтра будет поздно.

Тяжелая, резного дуба дверь затворилась за широкой спиной Тихменева. Остен-Сакен держал конверт за углы длинными пальцами, поросшими такими же рыжими волосами, как на щеках.

– Вам угодно знать содержание письма? – подчеркнуто вежливо спросил он мичмана.

– Точно так, господин лейтенант! – твердо ответил Селезнев.

– Извольте-с. – Глядя на Селезнева бесцветными остзейскими глазами, Остен-Сакен отчеканил: – Даю точный текст: «С получением сего приказываю безотлагательно приступить к выполнению директивы Совета Народных Комиссаров. Дальнейшее промедление может повести к непоправимым последствиям для всего флота и для России», – Барон на секунду умолк и насмешливо сказал: – Ну-с, а директива господ народных комиссаров вам, вероятно, известна: русским морякам во что бы то ни стало стать самотопами. По мнению «товарищей», лучше потопить корабли, чем передать немцам или хотя бы живо-блакитному хохлацкому правительству. Вместо того, чтобы когда-нибудь получить корабли обратно в целости и сохранности... – не досказав, он выразительно показал на палубу.

– Если корабли попадут в руки немцев или этой самой Рады, на них будет поднят германский флаг. Они больше никогда не станут русскими. Будут держать под своими пушками наше побережье, будут драться с кораблями, которые останутся верными России, – горячо проговорил Селезнев.

Водянистые глаза Остен-Сакена сузились:

– Значит, вы не расходитесь во мнении с господами «товарищами»?

– Нет! – резко ответил Селезнев.

– И согласны с потоплением эскадры?

– Так точно.

– Ну, так везите этот пакет без колебаний.

– Я должен видеть текст, – настойчиво повторил Селезнев,

– Вам недостаточно моего слова?

– Нет.

Остен-Сакен смешался.

– Ну, знаете ли, мичман, это уже переходит всякие границы. – Он потянулся к письму. – Хорошо... Я переведу вам текст. Во избежание ненужного любопытства, оно написано по-английски.

– Благодарю вас, – сказал Селезнев. – Прочту и сам.

– Ни в коем случае. Верните пакет! – Остен-Сакен рванулся к Селезневу, шагнувшему было к двери. – Слышите: отдайте пакет!.. Или...

Селезnev остановился:

– Или?..

– Все узнают, вся Россия узнает, что вы не офицер, да, да, не офицер, а...

– Ну-с, договаривайтесь.

– Вы не офицер, вы изменник России, вы большевик-с, милостивый государь, – задыхаясь от злобы, шипел барон.

Селезнев круто повернулся и, не отвечая, пошел прочь. Но прежде чем он

успел взяться за ручку двери, за его спиной глухо прозвучал выстрел. Селезнев качнулся, вытянул руки, будто пытаясь уцепиться за воздух, и без звука упал...

В каюту вбежал испуганный Тихменев. В руке Остен-Сакена еще был зажат браунинг.

— Что, что случилось? — Увидев тело мичмана, Тихменев остановился как вкопанный. — Что вы наделали! Боже мой, что вы наделали! — простонал он, хватаясь за голову. — Боже мой, боже мой!..

Но Остен-Сакен не дал командиру времени хныкать. Подчиняясь указаниям барона, тучный каперанг послушно помог ему перенести тело мичмана в адмиральскую спальню. Труп забросали одеялами и замкнули каюту на ключ.

Вернувшись в салон, Тихменев повалился в кресло и промямлил:

— Ведь он член судового комитета! Что вы наделали!

— Завтра мы будем в море... — закуривая, мечтательно сказал Остен-Сакен. — И никакие комитеты не помешают нам спустить мичмана за борт по всем правилам похоронного искусства.

— Как бы я хотел уже быть в море! — уныло произнес Тихменев.

— Директива Эйхгорна ясна: вернуть корабли в Севастополь.

— Если бы это было так просто!

Остен-Сакен криво улыбнулся. Но то, что он в этот момент увидел, согнало улыбку с его тонких губ: прильнув к зеркальному стеклу двери так, что нос расплющился в широкий белый пятачок, на кормовом балконе стоял Найденов. Глаза его были полны испуга и любопытства. По этим глазам Остен-Сакен понял, что Санька видел все. Одним прыжком офицер оказался у двери, распахнул ее и втащил мальчика в каюту. Не прошло и пяти минут, как Санька оказался в той же спальне, где лежало тело Селезнева. Крепкие веревки стянули ему руки и ноги. Он не мог сделать ни одного движения. Тугой кляп плотно сидел во рту.

Честное слово барона

Рука барона слегка вздрагивала, когда он подносил спичку взволнованно засурившему командиру.

— Какая страшная оплошность! — плаксиво пробормотал Тихменев.

— Да, мальчишка мог испортить все дело, — согласился Остен-Сакен. — Удивительно, как я забыл, что эти паршивцы целый день торчали тут, на беседке. Нашли тоже время медяшку драить...

— Да, да, конечно, — покорно согласился Тихменев. — Их там было двое?

— Так точно. Вторым был наш юнга.

— Где же он?

Остен-Сакен растерянно взглянул на Тихменева.

— Вы правы. Нужно его найти.

— Боже мой, — опять застонал Тихменев, — если он что-нибудь видел!..

Но Остен-Сакена уже не было в салоне. Он мчался по проходам корабля.

Прошло не меньше четверти часа, пока он вернулся к Тихменеву, сопровождаемый Пашкой Житковым.

— Ну, дружище, рассказывай, что ты видел, — с наигранной ласковостью спросил барон, плотно затворив дверь салона. — Ты был здесь минут пятнадцать тому назад?

— Никак нет, не был, — твердо ответил мальчик.

Тихменев вопросительно взглянул на Остен-Сакена:

— Значит...

— Небось, это Санька, — весело перебил его Пашка. — На-найденов Александр, с ги-идробазы, летчик... Он тут на беседке оставался па-акурить.

— Летчик?.. Так, так... — Барон неопределенно покрутил пальцами и неожиданно вынул из кармана портсигар. — Кури.

Пашка смешался:

— Благодарю покорно, не курим.

Офицеры заговорили между собой по-английски.

— Великолепная идея, — сказал Остен-Сакен. — Этот парень отвезет пакет Терентьеву.

— Вы думаете? — нерешительно спросил Тихменев.

— Он может уйти с корабля, не возбуждая подозрений, — сказал Остен-Сакен и обратился к юнге: — Хочешь получить двадцать пять рублей... нет, пятьдесят?

— Это к-керенками-то? На что мне? — пренебрежительно ответил Пашка.

— Вот как, ты бессребреник?! — насмешливо сказал барон. — А что же ты хотел бы иметь? — заискивающе спросил он. — Что бы ты хотел получить? Хочешь настоящими, романовскими?

Пашка отмахнулся.

— Так что же тебе надо? — раздраженно спросил барон. — Ну, говори же: больше всего, что?

— Б-больше всего? — Пашка подумал. — Больше всего?.. Небось, не дадите...

— Командир все может, — сказал барон. — Говори же!

— Браунинг! — мечтательно вздохнул Пашка.

— Получишь браунинг! — обрадовался Остен-Сакен. — Но за это ты должен исполнить просьбу командира.

— Про-осьба просьбе рознь, — с неожиданной степенностью произнес мальчик.

При этих словах что-то похожее на добродушную ухмылку пробежало по широкому лицу Тихменева. А барон строго сказал:

— Командир обращается к тебе, потому что знает, ты стоишь взрослого матроса. На тебя ведь можно положиться? — И после краткой паузы: — Мичмана Селезнева знаешь?

— А то как же.

— Так вот: твой приятель... как его?

— Санька?

— Вот, вот. Он на шлюпке повез сейчас мичмана Селезнева на «Свободную Россию» с важным поручением. Но мичман забыл здесь еще один пакет. Нужно доставить вслед Селезневу. Можешь?

— Па-ачему нет?.. Доставим.

Тихменев пальцем подозревал юнгу.

— Видишь пакет?

— Т-та-ак точно.

— Тут важные документы. Доставишь конверт капитану второго ранга Терентьеву на «Свободную Россию».

— А вам, небось, расписку?

— Мы сделаем так. — Остен-Сакен взял листок и набросал несколько строк. — Вот слушай, что я пишу кавторангу Терентьеву: «Доставившему этот пакет вы-

дайте браунинг с патронами». Понятно?

— Ка-ак... ка-ак... — расплываясь в улыбке, говорил Пашка. Больше обычного заикаясь, он не сразу смог договорить. — Как не понять!

Барон вскрыл конверт и быстро набросал под подписью Тихменева тоже по-английски: «Этого прохвоста — подателя сего — ни в коем случае не выпускайте с корабля». Он старательно заклеил конверт, запечатал его сургучом и передал Пашке:

— Спрячь хорошенко.

— Будьте покойнички, не потеряем! — Пашка спрятал конверт под тельняшку. Он хотел было уже идти, но вдруг остановился: — А не обманут, дадут браунинг? — спросил он Тихменева. Вместо ответа тот кивнул в сторону Остен-Сакена. Барон внушительно сказал:

— Честное слово, ты получишь свое. Но уговор: ни одна душа не знает о твоем отъезде с корабля. Есть?

— Есть!

— Вот это настоящий моряк! — сказал барон на прощание и двумя пальцами покровительственно, похлопал парнишку по плечу.

Не чувствуя под собою ног от радости, Пашка выбежал из салона.

Каждое слово, сказанное в салоне, было ясно слышно в адмиральской спальне. Связанный Санька не мог ни шевелиться, ни говорить, но ничто не мешало ему слушать. Он, как угорь, извивался на ковре, покрывавшем палубу спальни. Бился головой, перекатывался с боку на бок — все напрасно: путы оставались такими же крепкими, кляп так же плотно сидел во рту. Из салона ясно донесся стук стальной двери, захлопнувшейся за Пашкой.

— Слава богу, — произнес Остен-Сакен.

— Это мы скажем, когда Терентьев даст нам сигнал, что готов следовать за нами в Севастополь, — сказал Тихменев, в сомнении покачивая головой.

Покрытые рыжей шерстью пальцы барона не спеша переходили от пуговицы к пуговице. Он расстегнул китель, закурил и, с наслаждением затянувшись, сказал:

— Gott mit uns!

Позор изменникам России!

В ночь с 16 на 17 июня 1918 года в Новороссийской бухте началось необычное оживление. Команда линейного корабля «Воля», распространенная представителями Новороссийского Совета, державшего руку Кубано-Черноморской рады, поддержала Тихменева. Было решено идти в Севастополь. К морякам «Воли» присоединились команды нескольких миноносцев. Были корабли, где мнения команды разделились: одни стояли за то, чтобы топить суда, меньшинство — за поход в Севастополь. С таких судов отграбили вереницы шлюпок на миноносцы, собирающиеся уходить, и, главным образом, на «Волю», чье решение плыть в Севастополь считалось самым твердым. Были суда, совсем или почти совсем покинутые командами.

В числе кораблей, брошенных экипажами, был и дредноут «Свободная Россия». На его борту осталось едва шестьдесят матросов. Командир линкора Терентьев давно уже сочувствовал планам Тихменева. Получив через юнгу Житкова прямое указание подготовиться к походу, он делал отчаянные попытки

поднять пары. Но кочегаров, согласившихся нарушить приказ Советского правительства, на линкоре было мало. Их не хватало на обслуживание даже половины котлов.

В ванной командирской каюты был заперт юнга с «Воли», доставивший Терентьеву предательский приказ Тихменева. Под утро командир корабля, устав бесплодно бродить по его нескончаемым палубам, вернулся к себе в каюту. Он был совершенно измучен напрасными попытками поднять пары. Он понял, что предстоит либо до конца разделить участь своего корабля и, как велит традиция, вместе с ним погрузиться на дно моря, либо покинуть его навсегда. После недолгих колебаний выбор был сделан. Терентьев стал собираться в путь, но тут он вспомнил о своем маленьком пленнике. Подумав, Терентьев выкинул ключ от ванной в иллюминатор и завалил дверь в нее всякими вещами, придая им такой вид, будто они уже давным-давно не разбирались.

Пашка между тем безмятежно спал в своем заточении, не подозревая о ловушке. Во сне он крепко сжимал потеющий от его маленькой руки черный браунинг. Сон мальчика был крепок благодаря стакану портвейна, которым угостили его офицер. Когда же он разомкнул, наконец, отяжелевшие веки и захотел выйти из ванной, никто не отозвался на его стук. Дредноут был уже покинут. Терентьевым и всей командой. На стальном гиганте не осталось ни единой живой души. Напрасно стучал Пашка в дверь кулаками и ногами, напрасно бил в переборки всем, что попадалось под руки, — ему отвечало только глухое гудение стали.

Ничего не понимая, он опустился на решетчатую скамеечку около ванны.

«Что ж это такое? В тюрьме я, что ли?.. Кабы Саньку сюда! Он бы меня вызволил, непременно бы вызволил!» — растерянно думал Пашка.

Он не знал, что на борту «Воли» его друг находится в еще более тяжелом положении, чем он сам.

* * *

По тому, что говорилось в салоне «Воли», Санька Найденов мог составить представление о происходящем: «Воля» готовилась к походу. Ее стальные переборки уже дрожали мелкой, едва заметной дрожью ожидающих машин. За ночь на корабле собирались толпы дезертиров. В числе их было и несколько кочегаров-эсеров, помогавших офицерам-изменникам поднять пары. Решившие идти с «Волей» в Севастополь команды миноносцев уже выводили свои корабли на внешний рейд Новороссийска.

Прислушиваясь к движению на корабле, Санька не смыкал воспаленных от бессонницы глаз. Снова и снова пытался он освободиться от своих пут. Но веревка на руках не ослабевала, а еще сильней впивалась в тело. Мальчик чувствовал, что руки его растряты в кровь. Невыносимо саднила раны жесткая пенька. Ничего не удалось сделать и с кляпом во рту. От него ломило скулы, судорогой сводило челюсти.

Временами, когда силы иссыкали в безнадежной борьбе, безразличие отчаяния охватывало Саньку. Он затихал. Но стоило услышать за переборкой голос рыжего барона, как ненависть охватывала все его маленькое существо. Воля к свободе заставляла мысль и тело напрягаться в отчаянном усилии сбросить путы. И вдруг Саньке показалось, что веревки не так уж сильно сжимают затекшие ло-

дыжки. Затаив дыхание, он попробовал шевельнуть ступнями, и – о радость! – ими можно было двигать!

Не думая о боли в суставах, о свинцовой тяжести, которой от усилий наливалось все тело, он стал шевелить ногами. Пути поддавались. Прошло часа два, и ноги были свободны. Найденов мог встать, оглядеться, мог ходить! Он устремился к иллюминатору. Величественное, хотя и печальное зрелище представилось ему. Большая часть кораблей минной дивизии, оставшихся верными власти рабочих и крестьян, – «Гаджи-Бей», «Фидониси», «Калиакрия», «Пронзительный», «Лейтенант Шестаков», «Капитан-лейтенант Баранов», «Сметливый» и «Стремительный», – стояли неподвижно, с приспущенными флагами, словно на них были покойники. Мимо них, оставляя за кормою траурные сultаны густого дыма, тихо шли несколько миноносцев-изменников. Следом за миноносцами, глядя в яркое утреннее небо хоботами башенной артиллерии, медленно, как неповоротливое, ленивое чудовище, разворачивался дредноут «Воля». Как по команде, поднялись матросские руки над бортом «Гаджи-Бея», «Фидониси», «Сметливого». Кулаки были скаты. Единодушный вопль вырвался из тысячи грудей. Саньке показалось, что он различает слово «позор». От строя остающихся кораблей отделился миноносец «Керчь». Он выдвинулся так, чтобы его было видно со всех концов бухты, всем, кораблям и городу. На мостике показалась худая фигура командира – старшего лейтенанта Кукеля. Его кулак поднялся над головой так же, как были подняты тысячи других кулаков. На рей «Керчи» взлетели яркие флаги сигнала: "Кораблям, идущим в Севастополь: «Позор изменникам России!»

Неужели этот сигнал презрения относился и к нему, всегда считавшему себя неотъемлемой частичкой боевого Черноморского флота? К нему, Александру Найденову, будущему морскому летчику?! Нет, этого не могло быть! Он не может уйти к немцам! Не может, не смеет рыжий барон вырвать его живым из рядов людей, верных Ленину!

Санька в отчаянии огляделся. В каюте не было ничего, что могло бы помочь ему освободить руки или хотя бы подать сигнал туда, на волю, за борт корабль-тюрьмы. Взгляд его остановился на тяжелой медной спичечнице, стоявшей на ночном столике у юйки. Онемевшими, затекшими пальцами связанных рук Санька с трудом собрал с палубы разлетевшиеся листки упавшей книги. Потом долго старался зажечь спичку. Спички ломались одна за другой. Несколько штук вспыхнули, но тут же погасли.

В коробке осталась последняя.

Мальчик напряг всю волю, чтобы заставить себя действовать не спеша. Он осторожно провел спичкой по коробке. Послышался едва уловимый звук вспышки. Санька стоял, боясь шевельнуться и потушить огонек. Пятясь, поднес спичку к смятым листкам книги. Они вспыхнули. Маленький костер разгорался на мраморе ночного столика. Найденов протянул к огню связанные руки. Пламя лизнуло кожу. Закусив губу, мальчик заставил себя не отнимать рук от пылающих листков. Боль делалась нестерпимой. Веревка загорелась. Огненный браслет опоясал запястья. В глазах мутлилось. Санька терял сознание. Еще одно усилие воли, еще минута твердости, и... обожженные руки были свободны.

Он поднял их над головой и застонал.

Вырвав из рта тряпку, прильнул к графину с водой. Пил жадно, большими